

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1874/74n06.htm>

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Спб. 1874.

Эта книга составляетъ не столько автобіографію, сколько пространное предисловіе ко всѣмъ сочиненіямъ Милля, взятымъ въ совокупности. Тутъ разсказана исторія убѣжденій автора, обстоятельствъ и вліяній, при которыхъ написана каждая книга. Но все это разсказано отвлеченно, такъ, какъ обыкновенно дѣлается въ ученыхъ предисловіяхъ, гдѣ авторъ ни высказываетъ своихъ настоящихъ, живыхъ чувствъ и побужденій, а является чисто въ видѣ мыслящаго существа, руководимаго одною научною любознательностію, однимъ теоретическимъ интересомъ. Есть однакоже въ автобіографіи Милля нѣкоторыя мѣста вполне живыя, и мы укажемъ на нихъ читателямъ, какъ на то, что намъ показалось всего любопытнѣе. Англичане не всѣ такіе патріоты, какъ мы привыкли думать; и между ними есть вольнодумцы, прогрессивные люди, которые, подобно нашимъ образованнымъ людямъ, смотрятъ на свое отечество съ некоторымъ презрѣніемъ и сожалѣніемъ, завидуютъ другимъ народамъ и берутъ себѣ въ примѣръ другія страны. Настроеніе этого рода замѣтно у Диккенса; Карлейль восхищался Германіею, ея королями, философами и поэтами; Милль же во многомъ предпочиталъ своему отечеству Францію.

Въ 1820 году, слѣдовательно когда ему было 14 лѣтъ, онъ цѣлый годъ гостилъ во Франціи и вотъ что онъ потомъ занесъ въ свою автобіографію:

"Величайшую пользу изъ этого пребыванія во Франціи я приобрѣлъ оттого, что въ продолженіе цѣлаго года дышалъ *свободной, искренней атмосферой континентальной жизни*. Хотя я въ то время не сознавалъ и не вполне оцѣнивалъ эту пользу, но тѣмъ не менѣе она была очень значительна. Зная такъ мало англійскую жизнь и приходя въ столкновеніе до сихъ поръ лишь съ немногими людьми, которые большею частію стремились не къ личнымъ, а къ великимъ общественнымъ цѣлямъ (здѣсь Милль разумѣетъ своего отца, Рикардо, Бентама и подобныхъ людей, среди которыхъ выросъ), я не вращался на *низкомъ нравственномъ уровнѣ* того, что называется въ Англійи *обществомъ*, не вѣдалъ привычки англичанъ *подразумѣвать въ дѣйствіяхъ каждаго лица непремѣнно мелкія, низкія побужденія*, и отсутствія въ этомъ обществѣ возвышенныхъ чувствъ, что обнаруживается *презрительнымъ осужденіемъ проявленія подобныхъ чувствъ и общей сдержанностію* (за исключеніемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ сектъ) отъ заявленія какихъ бы то ни было высокихъ правилъ въ жизни, кромѣ тѣхъ торжественныхъ случаевъ, когда подобное заявленіе составляетъ необходимую принадлежность требуемыхъ этикетомъ формальностей и мундира. Я не зналъ тогда и не могъ оцѣнить различія между подобнаго рода существованіемъ и жизнью такого народа, какъ французскій, недостатки котораго, при всей ихъ очевидности, совершенно инаго характера. Во Франціи чувства, которыя можно назвать, по крайней мѣрѣ по сравненію, *возвышенными*, составляютъ *мелкую ходячую монету* какъ въ книжкахъ, такъ и въ частной жизни. Если иногда эти чувства улетучиваются въ громкихъ фразахъ, все же они *живутъ въ массѣ націи* благодаря постоянному употребленію и питаемому къ нимъ уваженію, такъ что они составляютъ живой, дѣятельный элементъ существованія громадной массы людей и понятны всѣмъ и признаны всѣми. Точно также я не могъ тогда оцѣнить общаго развитія ума, происходящаго отъ постоянного вліянія возвышенныхъ чувствъ и замѣчаемаго въ самыхъ необразованныхъ классахъ нѣкоторыхъ континентальныхъ странъ, тогда какъ *подобнаго умственнаго развитія нельзя встрѣтить въ Англійи* даже въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, за исключеніемъ рѣдкихъ людей, которые, благодаря очень чувствительной совѣсти, постоянно напрягаютъ свой умъ къ разрѣшенію вопросовъ о добрѣ и злѣ, справедливомъ и несправедливомъ. Я не зналъ, что у большинства англичанъ чувства и умственные способности потому именно остаются неразвитыми или развиваются односторонне и ограниченно, что *они не интересуются всѣмъ, не касающимся ихъ личнаго интереса*, за исключеніемъ очень рѣдкихъ специальныхъ случаевъ, и не только не говорятъ другимъ, но и не размышляютъ много сами о томъ, что дѣйствительно ихъ интересуетъ; вслѣдствіе этого они, какъ умственные существа, ведутъ какую-то отрицательную жизнь. Все это я понялъ гораздо позже, но и тогда чувствовалъ, хотя и смутно, разительный контрастъ между откровенной общительностію и добродушной любезностію французской частной жизни и порядками, существующими въ англійскомъ обществѣ, гдѣ каждый дѣйствуетъ такъ, какъ будто всѣ остальные (за очень рѣдкими исключеніями, если такія исключенія бываютъ) -- враги или навѣвающіе скуку болваны. Правда, во Франціи дурныя и хорошія черты отдѣльныхъ личностей и національнаго характера *скорѣе обнаруживаются* въ ежедневныхъ столкновеніяхъ, чѣмъ въ Англійи, но по